

Пролог: Указ Вдовствующей императрицы

Не прошло и двух дней после объявления результатов отбора наложниц, как из дворца Шоукан вышел указ, подобно огромному камню, брошенному в спокойную гладь озера, вновь вздыбивший волну.

Вдовствующая императрица, немного оправившись от болезни, прослышала об окончании отбора и специально призвала к себе императрицу для беседы. Никто не знал, о чем они говорили, но вскоре после того, как императрица покинула дворец Шоукан, Вдовствующая императрица издала указ:

— Чжэнь Хуань, дочь младшего министра Верховного суда Чжэнь Юаньдао, кроткая, добродетельная и благонравная, особо жалуется ароматным мешочком, дозволяется войти в гарем и жалуется титулом даин.

Когда указ дошел до Шести дворцов, реакция у всех была разной. Такие наложницы, как Наследная наложница Ци, лишь удивились внезапному вмешательству Вдовствующей императрицы и появлению еще одной соперницы за благосклонность. А Наследная наложница Хуа, Нянь Шилань, услышав эту весть, почти ослепла, в ярости разбив в тот же миг свою любимую эмалевую чашку!

— Как же так?! Разве не отбраковали ее табличку?! Почему... почему Вдовствующая императрица непременно возвышает ее?! — грудь Нянь Шилань тяжело вздымалась. Лицо, смутно напоминавшее императрицу Чуньюань, непрестанно мелькало перед ее глазами, вызывая почти безумную ревность и ненависть. Она чувствовала себя одураченной, легкость, с которой табличку отбраковали на отборе, теперь казалась насмешкой.

В Зале Воспитания Сердца Инь Чжэнь, услышав указ Вдовствующей императрицы, лишь слегка приподнял бровь, ничего не сказал и, макнув кисть в красную тушь, утвердил его.

Он прекрасно понимал смысл этого шага Вдовствующей императрицы. Чуньюань была ее родной племянницей и навечно болью и сожалением в ее сердце. Увидев девушку, похожую на нее, Вдовствующая императрица прониклась жалостью и взяла ее в гарем — это было почти инстинктивным поступком. А для Инь Чжэня это тоже не было плохо.

В последнее время он все больше замечал, что между Наследной наложницей Хуа и Императрицей намечается некое слишком «мирное» направление, что было отнюдь не в его интересах. Власть императрицы росла с каждым днем, и если бы она к тому же сблизилась с сестрой главы военного клана Нянь, это не сулило бы ничего хорошего для государства.

Теперь же появилась Чжэнь Хуань, похожая на Чуньюань, не имеющая за спиной могущественной родни по материнской линии и, очевидно, уже ставшая бельмом на глазу у Наследной наложницы Хуа, — она как раз могла взбаламутить воду в гареме, отвлечь внимание Наследной наложницы Хуа и... тонко сдерживать Императрицу.

Что касается императрицы И Сю... взгляд Инь Чжэня стал глубоким. Она тогда отбраковала табличку: действительно ли посчитала Чжэнь Хуань «слишком живой», или... сделала это намеренно, отступив, чтобы напасть, предвидя, что Вдовствующая императрица вмешается? Он обнаружил, что все меньше понимает мысли своей второй жены.

Во Дворце Цзинжэнь И Сю приняла указ, воздав хвалу, на ее лице не отразилось ни малейшего волнения, будто решение Вдовствующей императрицы было для нее совершенно ожидаемым.

Цзянь Цю с тревогой тихо спросила:

— Госпожа, это...

И Сю подняла руку, останавливая ее, и голос ее был спокоен и бесстрастен:

— Воля госпожи Вдовствующей императрицы имеет глубокий смысл. То, что даин Чжэнь может войти во дворец и служить Императору, — ее счастье. Распорядись, чтобы все подготовили по норме для даин, не смейте пренебрегать. — Она помолчала и добавила: — У даин Чжэнь... лицо счастливое, поселить ее в Павильоне Разбитой Яшмы, что подальше от Зала Воспитания Сердца, там тихо и спокойно, чтобы не вызывать лишних мыслей.

Павильон Разбитой Яшмы — место отдаленное, и, по слухам, в прежние годы там окончила свои дни в тоске одна наложница, что не сулило ничего хорошего. Этот шаг Императрицы, казавшийся заботой, на деле был отстранением, к которому невозможно было придаться.

Перед вступлением в гарем новым наложницам полагалось явиться к Императрице и выслушать наставления. Затем они могли разъехаться по домам и выбрать благоприятный день для входа во дворец.

В этот день несколько новых госпож собрались во Дворце Цзинжэнь, полные юности и красоты. Шэнь Мэйчжуан была величава, Ань Линжун робка, а Чжэнь Хуань, потупив взор, изо всех сил старалась быть незаметной, очевидно понимая, что из-за своей внешности стала мишенью для всех.

И Сю восседала на троне Феникса, принимая поклоны всех присутствующих. Наставления ее были безупречны, все об «усердном служении Императору» и «дружбе между сестрами» — обычные фразы. Когда ее взгляд скользнул по Чжэнь Хуань, он задержался на мгновение, в нем мелькнуло сложное, почти ностальгическое и печальное чувство, хоть и быстро скрытое, но достаточно заметное для внимательного человека.

— А особенно вы, даин Чжэнь, — голос И Сю, казалось, стал необычайно мягким, — вы... хороша. Надеюсь, вы будете строго соблюдать дворцовые правила и не обманете высочайшую милость и любовь госпожи Вдовствующей императрицы.

Эти слова для постороннего уха могли быть знаком уважения Императрицы к воле Вдовствующей императрицы и ободрением новой наложницы. Но в глазах Нянь Шилань, которая все это время пристально следила за реакцией Императрицы, это стало почти неопровержимым доказательством: Императрица действительно из-за этого лица относится к Чжэнь Хуань по-особому! Она даже в той мгновенной печали Императрицы прочла глубокую тоску по покойной сестре, и эта тоска, казалось, теперь проецировалась на эту замену!

Нянь Шилань почувствовала, как горечь, смешанная с ревностью, ударила в голову, ногти глубоко впились в ладони.

Когда наставления закончились, все стали откланиваться. Но И Сю, будто внезапно вспомнив что-то, окликнула Ань Линжун, которая шла последней и на которую почти никто не обращал внимания.

— Даин Ань, остановитесь.

Ань Линжун задрожала всем телом от испуга и, быстро обернувшись, упала на колени:

— Ваше Величество Императрица...

И Сю знаком велела ей встать, и голос ее был необычайно мягок, даже с оттенком жалости:

— Я вижу, вы хилы и вид у вас неважный. Может, вам нездоровится после вступления во дворец?

Ань Линжун, польщенная, поспешно замотала головой:

— Ваше Величество, ваша наложница... у вашей наложницы все хорошо...

— Не бойтесь. — И Сю мягко улыбнулась, сняла с запястья простые янтарные четки, не дорогую вещь, но выглядевшую сердечно. — Вы пришлись мне по душе. Эти четки успокаивают, носите их. Если в будущем в гареме возникнут трудности, можете приходить в Дворец Цзинжэнь и говорить со мной.

Этот жест, эти слова для Ань Линжун, которая всегда была на задворках, всеми пренебрегаема и даже тайно унижаема, стали подобны углям в снегу, величайшей милости! Она, взволнованная до слез, принялась кланяться:

— Благодарю Ваше Величество за милость! Ваша наложница... ваша наложница... — ее благодарность была написана на лице.

И эта сцена как раз попала на глаза Нянь Шилань, которая, затаив в душе обиду, нарочно

замедлила шаг и отстала.

Императрица так ласкова с этой трусливой и никчемной Ань Линжун, даже дарит ей вещи в знак расположения?!

А с той, похожей на Чуньюань, Чжэнь Хуань, лишь формально перемолвилась парой фраз?

А теперь еще и с ней самой... (она вспомнила присланные ранее бирюзу, Облачную парчу, Зеленую хризантему)...

Невыразимая, хаотичная волна захлестнула сердце Нянь Шилань.

Император хочет, чтобы новая наложница отвлекла его внимание!

Императрица выказывает тоску по похожей на сестру!

Императрица проявляет непонятную заботу о ничтожной Ань Линжун!

Что же тогда она сама? Кем же она, так называемая «союзница», является в глазах Императрицы? Пешкой, которую в любой момент можно бросить ради тени прошлого или новой наложницы? Или... тоже немного отличается?

Она обнаружила, что бешено сравнивает и завидует! Завидует не только возможной благосклонности Императора, которую может отнять Чжэнь Хуань, но и тому мгновению «тоски» Императрицы по Чжэнь Хуань, и даже той ничтожной «заботе», которую получила Ань Линжун!

Это незнакомое, горькое чувство, направленное на Императрицу, пугало ее больше, чем простая угроза потери благосклонности.

Нянь Шилань, потерянная, вернулась во Дворец Икунь. Глядя на окружавшую ее роскошь, она чувствовала лишь пустоту и холод. Чай, поданный Сун Чжи, казался безвкусным.

Она не понимала, что с ней такое. Она ведь злилась из-за отбора наложниц Императором, так почему же сейчас в ее голове только то, как Императрица по-разному относится к другим?

А во Дворце Цзинжэнь И Сю не спеша смаковала чай.

Цзянь Цю тихо спросила:

— Госпожа сегодня была, кажется, особенно снисходительна к даин Ань?

И Сю поставила чашку, и на ее губах заиграла едва заметная ледяная усмешка.

— Всего лишь пешка. Бесполезная, но способная взбаламутить стоячую воду.

— Что же касается Наследной наложницы Хуа... — ее взгляд обратился к окну, словно проникая сквозь дворцовые стены к тому роскошному дворцу Икунь, к той, кого она заставила волноваться и ревновать. — Я ей и позволила это увидеть, и сравнивать, и думать.

— Чтобы она ясно поняла: мое «добро» не является само собой разумеющимся. Дать или отнять — все в моей власти.

— Только в тревоге она будет цепляться крепче.

В глазах цвета феникса читалось полное понимание.

На шахматной доске расставлена новая партия, ход сделан и назад его не вернуть.

И эта фигура по имени «Ревность», похоже, действует особенно хорошо.

<http://bllate.org/book/18894/1846956>